

- Каждый из указанных авторов делит Россию на «тех» и «наших». «Наши» интеллигентнее, всего боятся и верят в избавление от бунта извне. «Те» - это обобщенные образы уничтожающей культуру новой власти, «босаяки с винтовкой на веревке через плечо»;
- Много внимания уделяют рассказчики бытовым мелочам, неурядицам. Но в этих условиях в душах скитальцев растет тяга к Богу, к светлomu и праздничному.
- Писатели все время проецируют происходящее с ними на прошлое, сверяют свое мировосприятие «тогда и сейчас», подчеркивают общенациональную(а иногда и общечеловеческую) значимость происходящего на Украине в 1918-1919 гг.;
- Мотив дороги, бездомности, трансформируется у писателей-эмигрантов в мотив незащищенности, неуверенности и нестабильности. В дом могут врываются по три раза в день «комиссары», «озверевшие рожи». Поэтому читателя не покидает ощущение хрупкости человеческой жизни, тщетности всех усилий, всеобщее суеты и беспорядка;
- Мысль психологов о том, что мужское сознание склонно воспринимать все окружающее прежде всего в бытийном, а не в бытовом ключе, возможно, применима и к творчеству женщин-эмигрантов, которые фиксируют каждую мелочь, которая подтверждает главную мысль каждой книги: грядет царство Хама.
- Именно поэтому женщины-жертвы в произведениях так же несчастны, так же отчаянно страдают, как мужчины. Иногда они оказываются сильнее, но эту силу им придает материнство. В то же время Бунин показывает на примере Коллонтай, как «ангелоподобные» женщины под влиянием стихии революции становятся ее активными и самыми жестокими участниками; есть примеры женщин-палачей и у Шмелева, и у Тэффи, и у Корсака;
- Каждый рассказчик воспринимает свою жизнь и происходящее вокруг как наказание за грехи интеллигенции, самонадеянно взявшейся за «переделку сознания» народа.

Отмечая бедственное положение народа Украины, стихийные всплески национального самосознания, недовольства новой властью, указанные писатели не видят в ней страну, способную остановить братоубийственную стихию. Разрушительное начало в сочетании с бессмысленным кровопролитием – вот что типизируется художниками, вот что угадывается в реалиях гражданской войны.

Источники и литература

1. Чехов А.П. Пол.Собр.соч. и писем. В 30-т. Письма. – М., Наука, 1976. – Т. 4.
2. Бунин И.А. Окаянные дни. – М., Советский писатель, 1990. – 416 с.
3. Литература русского зарубежья. Антология. Том 1, Книга 1. – М., : Книга, 1990. – 430 с.
4. Агеносов В.В. Литература русского зарубежья(1918-1996). – М.: Терра. Спорт, 1998. – 543 с.
5. Самин Д.К. Самые знаменитые эмигранты России. – М.: Вече, 2000. – 480 с.
6. Новикова М.А. Родина души: Владимир Набоков и Митрополит Антоний Сурожский//Крымский Набоковский научный сборник. Выпуск 1-2.- Симферополь, «Крымский Архив», 2001. – С. 96-101.
7. Белый А. На рубеже двух столетий. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.
8. Лисюченко Е.В. Гендерный аспект анализа художественных текстов//Русский язык и литература в учебных заведениях. – 2002. – № 3. – С. 25-27.
9. Сотвори себе кумира: Психология семьи/Авторы-составители О.В.Тимченко, В.Б.Шапар. – Харьков, Прапор, 1997. – 604 с.
10. Мороз Л.В.Объективное и субъективное в жанре литературной биографии//Автореф. дис...канд.филол. наук. – Киев, 2000.
11. Сахновская Л.Н. Павла, Раиса и Кобзарь – новые образы в либретто оперы «Дума про Опанаса» Э.Г.Багрицкого//Наукові записки Харківського державного педагогічного університету ім. Г.С.Сковороди. – Выпуск 2(29). – Харьков, 2001. – С.182-193.
12. К.Привалов «Шли дроздовцы твердым шагом...»//Юность. – 1990. - № 10. – С. 82-85.
13. Шоркин А.Д. Метафизика присутствия и небытия//Гипнос, Танатос и Асклепий в культуре народов мира: гуманитарный и медицинский аспекты. Межвузовский научный сборник/ Ред.О.К.Кузнецова. - Симферополь, «Крымский архив», 2003. – С. 10-17.

Хлыбова Н.А.

ИСТОРИЯ ВОПРОСА: ДЖ. Х. МИЛЛЕР В ОЦЕНКАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ КРИТИКИ

Современное американское литературоведение представляет собой чрезвычайно сложный научный комплекс, включающий в себя множество критических школ и направлений. На данном этапе представляется важно выявление того положительного, что могло бы быть использовано в украинском литературоведении. Литературно-критическое наследие одного из самых влиятельных американских литературоведов Дж. Х. Миллера достаточно многогранно. Он представляет в США сразу две новейшие исследовательские методологии – так называемую “критику сознания”, именуемую еще “феноменологической” критикой, и деконструктивизм. Новизна полученных результатов связана с тем фактом, что, несмотря на то, что в американском литературоведении имя Дж. Х. Миллера стоит рядом с именами таких выдающихся литературоведов, как Н. Фрай, П. де Ман, Г. Блум, М. Кригер и др., в украинской науке оно практически даже не упоминалось. Даже в книге профессора А. С. Козлова, одного из ведущих украинских специалистов в области американского литературоведения, “Литературоведение Англии и США XX века”, где Йельской школе американского деконструктивизма уделено достаточно много внимания (анализируются работы П.

де Мана, Дж. Хартмана, Г. Блума), литературно-критическое наследие Дж. Х. Миллера в целом осталось вне поля зрения.

Из украинских литературоведов, помимо А. С. Козлова [5], о нем писал лишь М. М. Гиришман [3]. И это не смотря на то, что его работы получили мировую известность, переведены на ряд европейских и восточных языков. Научно-критическая литература в дальнем зарубежье, посвященная литературоведу, весьма значительна. В целом его исследовательская методология и полученные на ее основе научные результаты оцениваются положительно, хотя и не без критических замечаний.

Что касается СНГ, то и там работы, в которых анализируется литературно-критическое творчество Дж. Х. Миллера, исчисляются несколькими небольшими по объему статьями. Это, прежде всего, статьи О. Вайнштейна [2], А. Михайлова [7], Н. Автономовой [1] и статьях под редакцией Е. А. Цургановой [8,9] и А. Н. Николокиной [4]. Сразу несколько статей названных авторов опубликовано в одном, майском номере российского журнала “Вопросы литературы” за 1990 год. Дело в том, что в этом номере была напечатана и маленькая (5 страниц) статья Дж. Х. Миллера “Триумф теории и производство значений” [6]. В ней последний поставил целый ряд весьма острых проблем, волнующих современных западных литературоведов. Это, прежде всего, – использование различных “внешних” теорий, таких как марксизм, психоанализ и ряд других в науке о литературе. Анализ произведения, основанному на той или другой теории, Дж. Х. Миллер противопоставляет “прочтение” текста. Главное внимание в этом “прочтении” должно быть уделено словам и фигурам речи. Говоря о “прочтении” текста, Дж. Х. Миллер не более чем повторяет одно из принципиальных положений “новой критики”, тем более что и в его понимании “прочтение” должно быть максимально “пристальным” (знаменитое неокритическое “close reading”!). Как и “новые критики”, Дж. Х. Миллер стремится отыскать в произведении особое поэтическое “знание”, противостоящее знанию научному (сухому и “скелетному”). Но если “неокритики” все же говорили о связи “художественного знания” с реальным миром, то Дж. Х. Миллер ищет и, как ему кажется, находит его, это знание, исключительно в самом тексте, в его словах или, как он пишет, в “текстовом лабиринте”. И не случайно одна из его книг называется “Нить Ариадны”. Критик, как и читатель, по мысли литературоведа, нуждается в путеводительной “нити”, погружаясь в лабиринт слов, из которых состоит произведение. Таким образом, Дж. Х. Миллер противопоставляет традиционному “вчитыванию” в текст различных теорий, несколько эмпирическое и субъективное “прочтение”.

Это “бегство” от теорий характерно не только для Дж. Х. Миллера, но и для многих других современных литературоведов. Достаточно указать на известную книгу лидера йельских деконструктивистов П. де Мана “Сопроотивление теории” (1986) или на работу М. Бови “Фрейд, Пруст и Лакан: Теория как фантазия” (1987).

Комментируя названную выше статью Дж. Х. Миллера, О. Вайнштейн обосновано отмечает, что она написана под влиянием идей П. де Мана, который, как и все деконструктивисты, резко критиковал логоцентризм всей европейской гуманитарной мысли и культуры, основанной на различных “теориях”, включая и литературоведческие теории.

Справедливо указывает российский литературовед и на то, что отличает Дж. Х. Миллера от П. де Мана. “Поль де Ман, – пишет О. Вайнштейн, – несомненно, философски более глубокий критик, с ярко выраженным индивидуальным стилем мышления, экзистенциально напряженный. Хиллис Миллер на его фоне кажется относительно спокойным, внутренне благополучным, более эмпиричным исследователем, ориентированным все-таки на историю, а не на теорию литературы” [2, с. 91].

Эта одна из немногих общих оценок критического творчества Дж. Х. Миллера, и далеко не со всем в утверждениях О. Вайнштейна можно согласиться. Несомненно, что Дж. Х. Миллер “более эмпирический исследователь” по сравнению с одним из своих наставников-деконструктивистов – П. де Маном. Однако его поздние, деконструктивистские исследования характеризуются, как и работы П. де Мана, ориентацией не столько на историю, а тем более не на теорию литературы, сколько на текст. Детально это будет проиллюстрировано в ходе нашего исследования. Возможно, что чисто в психологическом плане Дж. Х. Миллер менее “экзистенциально напряженный” и “относительно спокойный” (стиль его работ действительно более ровный по сравнению с П. де Маном), но едва ли есть основания принижать уровень его философской подготовки и ставить под сомнение оригинальность его “мышления”. В этих компонентах он вред ли уступает лидеру йельских деконструктивистов.

В чем абсолютно прав О. Вайнштейн, так это в указании на то, что деконструктивисты, в том числе и Дж. Х. Миллер, с их претензиями на радикально новые позиции в литературоведении, не просто во многом перекликаются с “новыми критиками”, но и вышли, фактически из текстоцентрической методологии последних. Деконструктивистские положения Дж. Х. Миллера, как верно замечает О. Вайнштейн, в частности его концепция “этики чтения”, “отличалась от неокритических установок лишь более радикальным пониманием свободной игры в критическом анализе текста”. “В “этике чтения”, – продолжает литературовед, – без труда узнаются исходные посылки “новой критики” – пристальное чтение, исследование парадоксов, иронии, семь видов многозначности...” [2, с. 92]. О. Вайнштейн, правда, в последнем высказывании слишком уж плотно ставит исследовательский метод Дж. Х. Миллера и методы исследования деталей текста, которые характерны для “новых критиков”. Парадоксы, в частности, интересуют Дж. Х. Миллера в несравненно меньшей степени, чем К. Брукса, считавшего их основой любого поэтического произведения. Дж. Х. Миллер вообще не выделяет те или другие художественные детали текста в качестве приоритетных

и доминирующих. Для его “прочтения” текста все они одинаково важны и заслуживают равнозначного внимания.

В статье А. В. Михайлова, озаглавленной “С другого берега”, речь идет не столько о Дж. Х. Миллере, сколько о современной культуре и науке. Верно отмечена одна из особенностей современной науки о литературе: “Чем больше развивается теория, - пишет А. В. Михайлов, - (так и теория литературы), тем больше теоретические “построения” начинают закрывать “саму” поэзию, или, скажем, “плоть” литературного произведения” [7, с. 99].

Это действительно так. И на это указывали, как было выше отмечено, многие современные ученые. Однако к самому Дж. Х. Миллеру это обвинение относиться не может: он сам – принципиальный враг теорий, теоретических прочтений, логоцентризма. И его методология исследования никак не “закрывает” “плоть” литературного произведения”. Скорее, наоборот – у него ощущается культ самого художественного текста, “сопротивляющегося” всяческим теориям.

А. В. Михайлов решительно не согласен с одной из основополагающих посылок Дж. Х. Миллера, гласящей, что “сила литературного текста заключается в словах, из которых он составлен”. Несомненно, это утверждение является дискуссионным. Для взгляда “с этого берега” оно особенно неприемлемо. Однако на “другом берегу”, т.е. в зарубежном литературоведении, такого взгляда придерживаются представители многих текстоцентрических школ, в частности, “новые критики” и деконструктивисты. Да и Нортроп Фрай, который далеко выходил за рамки формализма и текстоцентризма, утверждает в своей знаменитой “Анатомии критики”, что “в литературе вопросы факта и правды подчинены главной цели художественного творчества – продуцировать словесные структуры ради них самих” [12, с. 74]. Под этой формулировкой охотно подписался бы Дж. Х. Миллер и многие другие “формалисты”. В сущности, речь идет о том, отражает ли литература внешний мир, являясь по сути аристотелевским мимесисом, как считали “реалисты” на протяжении столетий, или творит собственную эстетическую, художественную “реальность”, к чему склоняются Дж. Х. Миллер, Н. Фрай и многие другие литературоведы XX столетия.

Несомненно, что слишком прямолинейное определение литературы как “зеркала жизни” (так, понимал ее, в частности, О. Бальзак) подвергается в наше время достаточно обоснованной критике. Понимание художественного творчества только как “зеркала жизни” или, говоря словами И. Тэна, “слепка” с нравов общества, выхолащивает саму суть литературы, не учитывает ее эстетических основ. Истина, как это чаще всего бывает, находится, скорее всего, между двумя крайностями, т.е. одинаково важным представляется как содержание художественного творчества, так и его форма, в частности “слова” литературных произведений, на которых сконцентрировали свое внимание и Дж. Х. Миллер, и Н. Фрай.

Обращает на себя внимание то, что Аристотель, определяя художественное творчество в качестве мимесиса, все же большую часть своей “Поэтики” посвятил анализу не того, что отражает литература, а как она это делает. Если О. Бальзак и И. Тэн, с одной стороны, а Н. Фрай и Дж. Х. Миллер, с другой, выражают противоположные взгляды на творчество, то для Аристотеля одинаково важно и то, что отражается в литературе, и то, как это делается.

Н. Автономова в статье “Важна любая ступень” как раз и затрагивает вопрос о важности различных подходов к художественному творчеству и сетует на то, что советское литературоведение было крайне ограничено в методологическом отношении и зашорено идеологически. “Хиллис Миллер, - пишет в связи с этим Н. Автономова, - напомнил нам, что западная литературоведение уже пережило и засилие исторических подходов, и теоретическое изобилие и вот теперь вновь начинает осознавать суверенность слова, его неподвластность теоретическим, идеологическим, социально-институциональным манипуляциям” [1, с. 101].

Это верно, хотя следует добавить, что западное литературоведение пережило и засилие формальных подходов с их заикленностью на “суверенности” слова и текста. В этом отношении достаточно сослаться на “новую критику”, доминировавшую в англо-американском литературоведении в середине XX века, а позже подвергнувшуюся убийственной критике со стороны тех исследовательских методологий (рецептивно-литературоведения, например), представители которых не уделяют ни малейшего внимания “суверенности” слова и текста. Да и сам Дж. Х. Миллер в ранний, “феноменологический” период своей критической деятельности не очень интересовался словом как таковым, в тексте искал “отпечатки сознания” их авторов.

В статье М. Гиршмана анализируется принципиальный вопрос, волнующий не только Миллера, но и многих современных литературоведов, особенно деконструктивистов, - о соотношении литературной теории и художественной практики. Если большинство зарубежных литературоведов, подобно Дж. Х. Миллеру, склонно противопоставлять теорию самому художественному произведению и его “прочтению”, то украинский ученый указывает на их диалектическую связь. “Хочется верить, - пишет М. Гиршман, - в возможность плодотворных взаимопереходов прочтения в теорию и теории в прочтение” [3, 112].

Позиция М. Гиршмана представляется более взвешенной, особенно на фоне дискуссий зарубежных специалистов, чаще всего склонных к крайностям – одни из них (в том числе и Дж. Х. Миллер) отвергают “теоретические” подходы к художественному творчеству вообще, другие же (представители многочисленных исследовательских “школ”) в своих подходах к литературе обязательно опираются на ту или другую научную или псевдонаучную теорию.

В статьях под редакцией А. Н. Николюкина [4] и Е. А. Цургановой, опубликованных в справочнике “Современные зарубежные литературоведы” (1986) [8] и энциклопедии “Западное литературоведение XX

века” (2004) [9] бегло анализируются некоторые из работ Дж. Х. Миллера, относящиеся преимущественно к раннему, феноменологическому периоду его деятельности.

Более подробно проанализировано литературно-критическое творчество Дж. Х. Миллера в книге А. С. Козлова “Литературоведение Англии и США XX века” (1994) [5]. Но и здесь оно рассмотрено лишь в главе “Феноменологическая и рецептивная критика”, работы же деконструктивистского периода даже не упоминаются.

За рубежом литературно-критическому творчеству Дж. Х. Миллера посвящены десятки работ, хотя и там нет фундаментальных исследований, в которых последнее анализируется. Будучи заметной фигурой в англо-американском литературоведении, Дж. Х. Миллер неоднократно давал интервью различным литературным журналам. Небезынтересно, как он сам рассматривал и оценивал свою исследовательскую деятельность, как определял свои методологические ориентиры. Все исследователи его критических работ, как и все те, кто брал у него интервью, обращали прежде всего внимание на его радикальную методологическую переориентацию – будучи до конца 70-х годов убежденным феноменологическим критиком, он неожиданно становится одним из активнейших американских деконструктивистов. Отвечая на вопрос о том, порвал ли он со своей прежней методологией, Дж. Х. Миллер заметил, что в своей основе феноменология и деконструктивизм достаточно близки. Например, указывает он, Ж. Деррида разделяет с Гуссерлем одно из принципиально важных положений последнего – об “идеальности литературно-художественного произведения” [18, с. 139].

Таким образом, нет оснований говорить о разочаровании Дж. Х. Миллера в методологии Женевских феноменологов. И став деконструктивистом, литературовед не отошел полностью от феноменологических методов исследования, своеобразно сочетая, казалось бы, несовместимое – учение Ж. Деррида и идеи женевских феноменологов.

И вообще, как подчеркивал сам Дж. Х. Миллер, он не склонен замыкаться в рамках какой бы то ни было одной методологии, включая и деконструктивизм. Известно, что представители последнего особенно пристрастны к художественным деталям текста или, как они говорят, к “риторике”. Дж. Х. Миллер, не являясь исключением в этом отношении, все же указывает, что наряду с интересом к риторике как важнейшей области исследования текстов, существуют и другие “измерения” последнего – историческое, социологическое и т.п. [18, с. 147] И их не следует сбрасывать со счетов, как это делают некоторые литературоведы, например, “новые критики”. И вот на эту широту методологических позиций Дж. Х. Миллера справедливо указывают все зарубежные исследователи его критических работ.

Поскольку глава женевских “критиков сознания” Ж. Пуле продолжительное время работал в американских университетах, идеи и методы исследования последних уже в 60-е годы были хорошо известны в США. В это время и в этом контексте было обращено внимание и на молодого Дж. Х. Миллера. В статье “Посредничество, язык и визионарность в прочтении литературы” (1969) известный американский литературовед М. Кригер с похвалой отозвался о новой феноменологической методологии в литературоведении. Он даже аттестовал себя в качестве ее “приверженца”, а Дж. Х. Миллера, преподававшего тогда вместе с Ж. Пуле в университете Джона Хопкинса, назвал “талантливым и продуктивным молодым представителем “критики сознания”” [13].

Оценки ранних, феноменологических работ Дж. Х. Миллера давались, как правило, в контексте оценок деятельности всей женевской школы “критиков сознания”. В частности, это касается известной работы С. Лоуэлл “Критики сознания: экзистенциальные структуры литературы” (1969) [14]. И только после того, как Дж. Х. Миллер примкнул к йельским деконструктивистам, он стал привлекать и пристальное персональное внимание. Привлекательным и весьма загадочным был и сам переход литературоведа на новые позиции. Исследователей интриговал вопрос – что же нового появилось в работах Дж. Х. Миллера после его неожиданного перехода? Появился ряд солидных статей, посвященных литературоведению, хотя обобщающего исследования его творчества нет до сих пор. Чаще всего анализируется одна из “ипостасей” Дж. Х. Миллера – он рассматривается или как “критик сознания” или как деконструктивист.

Особый интерес представляет обширная статья У. Кеина “Деконструктивизм в Америке: Последние критические работы Дж. Х. Миллера” (1979). Дело в том, что 1979 год – как раз то время, когда литературовед распрощался с “критиками сознания” и преступил порог деконструктивизма.

У. Кеин предпосылает своей статьей слова Дж. Х. Миллера, сказавшего, что прогресс в творчестве любого критика предполагает элемент “самоубийства”, т.е. отречения от своих прежних взглядов. Этим Дж. Х. Миллер пытается оправдать свое отречение от своих прежних, феноменологических подходов к литературе.

У. Кеин прежде всего анализирует особенности миллеровской деконструктивистской методологии, справедливо указывая на то, что деконструктивисты – это, прежде всего, лингвисты, все и вся сводящие к языку, к его внутренним потенциям, средствам выражения и изображения. “Деконструктивисты, – пишет У. Кеин, – отрицают существование влияния каких бы то ни было внешних сил и авторитетов на текст, они подрывают нашу веру в автора, создателя текста и даже сам текст как стабильное единство, несущее твердое значение. Более того, деконструктивисты отвергают возможность единственно верной интерпретации текста, его “понимания”, равно как и возможность связать текст с историческими, культурными и литературными влияниями и традициями” [11, с. 368].

Это верное определение основных черт деконструктивизма предполагает заключение о том, что Дж. Х. Миллер перешел на принципиально новые позиции, ибо его прежней феноменологической методологии были присущи и вера в автора, и в возможность нахождения твердого значения в тексте. Он также глубоко “вписывал” исследуемых авторов, в частности Ч. Диккенса и Т. Гарди, в исторический, культурный и литературный контекст. Поэтому во многом прав У. Кеин, говоря, что Дж. Х. Миллер заплатил за переход в деконструктивизм ценой “отречения от своей прежней карьеры критика” [11, с. 368]. И все же,

как свидетельствует наше исследование, это отречение не было полным и бесповоротным, как полагает У. Кеин. Об этом говорил и сам Дж. Х. Миллер, но автор статьи находит его доводы “неубедительными”.

У. Кеин прослеживает в деталях то новое, что вошло в понятийный и терминологический аппарат Дж. Х. Миллера-деконструктивиста. Кроме общего принципа, согласно которому текст живет только “внутренней жизнью”, новая ориентация Дж. Х. Миллера проявляется в частном вопросе о “повторениях” (этой проблеме литературовед посвятил специальную работу - “Художественная литература и повторение” (1982)). Если феноменолог Ж. Пуле и его ученики полагали, что критик должен “повторять” и воспроизводить работу сознания автора, то в своей новой, уже деконструктивистской книге Дж. Х. Миллер акцентирует внимание на различных элементах в повторениях. В этой связи переход литературоведа-феноменолога на новые позиции У. Кеин определяет даже с некоторой примесью фрейдизма – как бунт сына против отца – Ж. Пуле.

Рассмотрев особенности деконструктивистской методологии Дж. Х. Миллера и его коллег, У. Кеин приходит к выводу, что последние внесли в науку о литературе не так уж много нового. Все писатели и поэты, определявшиеся в качестве великих в прежней традиции, остались великими и у деконструктивистов. С последним утверждением У. Кеина вполне можно согласиться, но его утверждение о том, что радикализм взглядов Ж. Деррида и его последователей не так уж велик, представляется ошибочным.

Ни У. Кеин, ни другие исследователи не рассматривают деконструктивистскую методологию Дж. Х. Миллера как лучшую, более продуктивную по сравнению с прежней, феноменологической.

В год опубликования статьи У. Кеина Дж. Х. Миллер дал большое интервью, опубликованное затем в журнале “Критика” (1982). В нем Дж. Х. Миллер говорит о себе как о сложившемся деконструктивисте, подчеркивая, что переход на позиции последнего был постепенным – уже в книге о Томасе Гарди, опубликованной в 1970 году, он, по его словам, уделял языку произведений не меньше внимания, чем сознанию их автора. Литературовед признает, что решающим фактором его приобщения к деконструктивизму было личное общение с П. де Маном и Дж. Хартманом, с которыми он был близким знаком еще до перехода в Йельский университет. При этом указывается, что и сам Дж. Хартман увлекся деконструктивизмом не сразу – в своих ранних книгах он так же склонялся к “критике сознания”. Своими учителями Дж. Х. Миллер называет также А. Ричардса, У. Эмпсона, К. Берка.

Подчеркивая, что он, как и все деконструктивисты, основное предпочтение отдает языку произведения, и прежде всего фигурам речи. Дж. Х. Миллер, вместе с тем, возражает своим оппонентам, обвиняющим его и его товарищей по школе в том, что они полностью обрывают связь литературы с жизнью, что даже в свою бытность “критиком сознания” он не обращал внимания на социальную сторону литературы. “Мне представляется большим упрощением, - пишет он в этом отношении, - утверждение о том, что в своих работах о Диккенсе я полностью изымаю его произведения из социального контекста” [16, с. 105].

Дж. Х. Миллер пишет, что склонность к деконструктивистскому подходу к художественному творчеству проступила у него еще в студенческие годы. Дело в том, что первые годы в университете он изучал физику и уже тогда, как он говорит, обратил внимание на своеобразие художественного, особенно поэтического языка, на его “странности”. И став деконструктивистом, он только то и делает, что пытается разобраться в сущности этих странностей, в природе литературного языка, так радикально отличающегося от научного своей многозначностью, противоречивостью и использованием фигур речи.

Как и в других своих интервью и работах, Дж. Х. Миллер всячески защищает методологию деконструктивизма, подвергающегося яростным нападкам со стороны многих более традиционных критических школ, в частности Калифорнийской.

Хотя деконструктивизм подвергался и подвергается резкой критике, в адрес Дж. Х. Миллера критических стрел выпущено значительно меньше, чем в его товарищей по школе. Это можно объяснить двумя причинами. Во-первых, он воспринимается не только как деконструктивист, но и как один из “критиков сознания”, методология которых хорошо вписывалась в традицию Западного литературоведения и не вызвала осуждения. Во-вторых, Дж. Х. Миллер, в отличие, например, от П. де Мана, не был стопроцентным деконструктивистом и выходил за жесткие рамки этой методологии.

В рассмотренных выше работах М. Кригера и У. Кеина Дж. Х. Миллер оценивается положительно. С симпатией пишет о его теориях и критической практике и Дж. Лоусберг в статье “От Викторианского сознания к этике чтения: Критические работы Дж. Хиллиса Миллера” (1993). Переход последнего на позиции деконструктивизма Дж. Лоусберг приветствует и видит в нем стремление “расширить” рамки своей прежней методологии. Он согласен с теми литературоведами, которые считают Дж. Х. Миллера “гуманистической овцой в волчьей шкуре”, и что “его переход к деконструктивистам был лишь частичным” [15, с. 101], о чем свидетельствуют многочисленные противоречия в его теориях. Как и У. Кеин, Дж. Лоусберг считает, что зависимость американского литературоведа от Ж. Деррида сильно “преувеличена”.

С Дж. Лоусбергом нельзя не согласиться в том, что Дж. Х. Миллер весьма противоречив. Особенно много путаницы вносит Дж. Х. Миллер в своих рассуждениях о том, наличествует ли в тексте твердое значение или его там нет. Противоречив литературовед и в своих оценках деконструктивистской методологии в целом. В одних работах, как справедливо указывает Дж. Лоусберг, деконструктивизм определяется им и как “радикально новая область знания, перевернувшая все наши прежние понятия и представления в области гуманистики” [15, с. 102], в других же работах он видит в нем (деконструктивизме) не более чем продолжение “неокритической” традиции с ее акцентом на “пристальном прочтении” текстов. Как феноменолог, считает Дж. Лоусберг, был менее противоречив, однако он не считает первый период творчества Дж. Х. Миллера более удачным и продуктивным. Автор статьи утверждает, что переход Дж. Х. Миллера на позиции деконструктивизма не был таким уж неожиданным и спонтанным. Дело в том, что еще будучи феноменологом литературовед уделял проблемам языка значительно больше внимания, чем его учитель Ж. Пуле. Уже тогда критика понималась Дж. Х. Миллером как “язык о языке”, и только посредством этого “языка” можно проникать в сознание автора.

Все усиливавшийся интерес Дж. Х. Миллера к языку, к его внутренним потенциям и привел Дж. Х. Миллера к деконструктивизму. “Его уход от Пуле к Деррида, - пишет по этому поводу Дж. Лоусберг, - начал просто то, что он, как исследователь, вместо сознания сосредоточился на языке как на главном объекте литературоведческого исследования”, полагая, что именно язык “порождает сознание, а не наоборот” [15, с. 108]. В своем культе языка, считает Дж. Лоусберг, американский литературовед превосходил даже своего французского учителя – Ж. Деррида.

Не все исследователи литературно-критических работ Дж. Х. Миллера оценивали их положительно, как это делали рассмотренные выше специалисты. С весьма резкой критикой исследовательской методологии Дж. Х. Миллера-деконструктивиста выступил, в частности, Р. де Богранд в статье “Писатель, читатель, критик: Сравнительный анализ критических теорий как дискурсов” (1984). Автор сравнивает деконструктивистскую методологию Дж. Х. Миллера с рецептивным (С. Фиш) и герменевтическим (Э. Хирш) подходами. Названные литературоведы не связывали значение произведения исключительно с текстом, но оно все же понималось как нечто стабильное, пусть даже и вносимое в текст читателем. Главная же особенность миллеровской методологии связана с тем, что у него буквально все нестабильно: и текст, и его восприятие. “Миллер, - пишет Р. де Богранд, - находит нестабильность не только в тексте, но и в действиях его автора, читателя или критика” [10, с. 553].

Дж. Х. Миллер не приемлет один из основных принципов европейского “логоцентризма” – мысль о том, что любой предмет идентичен самому себе и не более того. Отвергая этот принцип идентичности, Дж. Х. Миллер полагает, что “предмет может быть как самим собою, так и чем-то еще” [10, с. 553], т.е. выходить за свои “пределы”. Такое понимание сути вещей Дж. Х. Миллер называет “диалогическим”.

Здесь, в добавление к рассуждениям Р. де Богранда, отмечено, что “диалогическое” мировосприятие характерно для феноменологов и экзистенциалистов. Так, о принципе диалогичности в действительности и в литературе говорил М. Хайдеггер в статье о Гельдерлине. А Ж.-П. Сартр отмечал способность человеческого сознания выходить за пределы самого себя. Но у французского экзистенциалиста речь шла только о сознании, а не о любом “предмете”, как у Дж. Х. Миллера.

Осуждая критические подходы и методы интерпретации деконструктивистов вообще и Дж. Х. Миллера в частности, Р. де Богранд указывает, что они заиклены на анализе разрозненных составляющих произведения, бесконечно повторяясь, “налагая один текстовой слой на другой” или прослеживая “одну за другой серию метафор”. Их внимание к метафоричности как таковой способствует уходу от необходимости искать в тексте твердое значение, общедоступный смысл. Интерес к фрагментарности текста порождает, по мысли исследователя, фрагментарность и в критических текстах самих деконструктивистов. А мысль об изначальной противоречивости художественных текстов во многом обуславливает противоречия и в их критических текстах. Во всяком случае, они не считают противоречия чем-то недопустимым в литературоведческих исследованиях.

Р. де Богранд приводит в пример известный психологический опыт – повторенное нескольких десятков раз подряд слово теряло свой смысл для подопытного. Нечто подобное, полагает исследователь, происходит и у деконструктивистов, фактически “убивающих” смысл текста. Р. де Богранд видит положительную сторону деконструктивизма лишь в том, что он, вызывая преимущественно отрицательные реакции, все же оживил литературную мысль, вызвал оживленные дискуссии. Его противников он утешает заявлением о том, что деконструктивизм, сверкнув на литературоведческом небосклоне, обречен на скорое исчезновение и забвение. Уж слишком он экстравагантен и противоречив. Что касается лично Дж. Х. Миллера, то Р. де Богранд полагает, что он, декларируя свое стремление к деконструкции, все же преимущественно конструктивен. В этом его противоречие и его шанс не разделить общую судьбу деконструктивизма.

Самым массивным и острым атакам йельские деконструктивисты подвергались со стороны своих основных соперников – Калифорнийской школы литературной критики и теории, которую основал и возглавил один из крупнейших американских теоретиков литературы М. Кригер. В 1977 году калифорнийцы издали сборник статей “Направления в критике: Структурализм и его альтернативы”, в которой подвергли структурализм и деконструктивизм убийственной критике. Особенно резким тоном отличается статья Х. Уайта “Абсурдистские тенденции в современной литературной теории”. Автор статьи видит истоки деконструктивизма (синонимом которого является у него “абсурдизм”) в самом направлении европейской гуманитарной мысли. “Это абсурдистское направление в литературоведении, - пишет он, - происходит из самих основ современного европейского гуманизма, с его гностической основой, культом сухого научного знания и ориентацией на элитного читателя, а также критика, растолковывающего подобно жрецу смысл произведений простому читателю из низших классов” [19, с. 110]. Указывается также на тот “дуализм” деконструктивистского мировосприятия, который проявился, в частности, в миллеровских рассуждениях о “диалогических” основах как литературы, так и бытия в целом.

Другой участник сборника, известный литературовед Э. Сеид в статье “Дороги, по которым пошла и не пошла современная критика” обвиняет литературоведов структуралистско-деконструктивистской ориентации в создании громоздкого, понятного лишь избранным, понятийного аппарата и высмеивает американских теоретиков, рабски копирующих европейцев с их абсурдистскими выкрутасами. В этом стремлении к эксцентричности, но и у некоторых американских специалистов, в частности, у Н. Фрая, Э. Сеид видит основную особенность современной западной критики и науки о литературе.

Э. Сеид, как и Х. Уайт, проявляет склонность к социологическим и даже в некоторой степени к марксистским подходам к литературе. Поэтому естественно, что он осуждает тот культ автономного текста, который проявляется как у “новых критиков”, так и у деконструктивистов.

Резкой критике подвергает Э. Сеид и сосюроевское в своей основе понимание языка, на которое опираются структуралисты и деконструктивисты. Их пониманию слова как внутренне пустого, случайного

сочетания звуков и букв, ничем не связанного со своим означаемым, Э. Сеид противопоставляет романтическое, идущее от В. Гумбольта, определение слова как творца значения, неразрывно связанного с тем, что оно обозначает.

В статьях, включенных в рассматриваемый сборник, критике подвержен деконструктивизм в целом, что же касается отдельных его представителей, в частности Дж. Х. Миллера, то они остаются за пределами внимания авторов сборника.

Весь проанализированный материал позволяет утверждать, что литературно-критические работы Дж. Х. Миллера в крайне незначительной степени привлекали внимание как отечественных исследователей, так и в российских ученых. Англоязычное литературоведение, в отличие от украинского и российского, пристально следило за эволюцией критического творчества Дж. Х. Миллера. Ему посвящены десятки статей, авторы которых с различных позиций дают ему свои оценки – от хвалебных до резко отрицательных. В основном характер этих оценок связан с методологическими установками самих авторов статей, что исключает желаемую объективность при рассмотрении данного вопроса. Ни в отечественном, ни в зарубежном литературоведении до сих пор нет целостного, системного исследования многочисленных работ Дж. Х. Миллера, вобравших в себя черты самых современных и оригинальных подходов к литературе.

Источники и литература

1. Автономова Н. Важна любая ступень // Вопросы литературы, N 5. – М., 1990. – С. 101-107.
2. Вайнштейн О. Сопротивление теории или этика чтения? // Вопросы литературы, N 5. – М., 1990. – С. 88-93.
3. Гиршман М. От текста к произведению, от данного общества к целостному миру // Вопросы литературы, N 5. – М., 1990. – С. 108-112.
4. Ильин И.П. Деконструктивизм // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Под ред. А.Н. Николюкина. – М., НПК "Интелвак", 2001. – стр. 210-214.
5. Козлов А.С. Феноменологическая и рецептивная критика, неогерменевтика // Литературоведение Англии и США XX века. – Симферополь, 1994. – стр. 233-247.
6. Миллер Дж. Х. Триумф теории и производство значений. // Вопросы литературы, № 5. – М., май, 1990. – стр. 83-87.
7. Михайлов А. А. С другого берега // Вопросы литературы, N 5. – М., 1990. – с. 92-100.
8. Цурганова Е.А. Миллер Джозеф Хиллис // Современные зарубежные литературоведы. Ч. II. – М., 1986.
9. Цурганова Е.А., Махов Е.А. Миллер Джозеф Хиллис // Западное литературоведение XX века. – М.: In-trada, ИНИОН РАН, 2004. – стр. 254-255.
10. Beaugrande de R. Writer, Reader, Critic: Comparing Critical Theories as Discourse // College English. – Vol. 46, N 6, 1984. – Pp. 533-559.
11. Cain William E. Deconstruction in America: The Recent Literary Criticism of J. Hillis Miller // College English. – Vol. 41, N 4, 1979. – Pp. 367-382.
12. Frye N. Anatomy of Criticism: Four Essays. – Princeton, 1957. – X, 393 p.
13. Krieger M. Mediation, Language and Vision in Reading Literature // Critical Theory. – Ed. By H. Adams. – N.Y., 1971.
14. Lawall, Sarah. J. Hillis Miller // Critics of Consciousness: The Existential Structures of Literature. – Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1968. – Pp. 195-217.
15. Loesberg J. From Victorian Consciousness to the Ethic of Reading // Victorian Studies, Vol. 37, N 1, 1993. – Pp. 99-121.
16. Moynihan R. Interview with J. Hillis Miller, Yale, Fall, 1979 // Criticism Vol. 24 (2) – Spring 1982. – Pp. 99-125.
17. Moynihan, Robert. "J. Hillis Miller," A Recent Imagining. – Camden, The Shoestring Press, 1986. – Pp. 97-131.
18. Olson, Gary A., Rhetoric, Cultural Studies and Future of Critical Theory: A Conversation with J. Hillis Miller. – JAC. –V. 14, № 2, 1994. – Pp. 113-158.
19. White H. The Absurdist Moment in Contemporary Literary Theory // Directions for Criticism: Structuralism and its Alternatives. – Madison, 1977.

Шевчук-Черногородова М.А.

ОТРАЖЕНИЕ ЦВЕТОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ И РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Цель работы – показать на материале фразеологических единиц с компонентами цветообозначения (ФЕКЦ), как отражается цветовая картина мира во фразеологии французского и русского языков.

Задачи - исследовать ФЕКЦ, представленные в русском и французском языках, и описать на этой основе некоторые базовые явления восприятия окружающей действительности посредством цветовых ощущений, сопоставить универсальные и специфические явления в цветовых картинах мира двух народов.

В последнее время особенно **актуальным** является изучение языка как особого отражения ментальности говорящего на нем народа. Семантические, коннотативные, ассоциативные особенности в разных культурах позволяют говорить о различном восприятии мира, о создании картины мира сквозь призму национального сознания.